

Сбитый лётчик

Дмитрий Обской

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Обской Сбитый лётчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59608497

SelfPub; 2020

Аннотация

Русский пилот, выполняя боевое задание попадает под действие неизвестного оружия, и попадает в средневековую Японию. Содержит нецензурную брань.

Боль! Сильная, нестерпимая боль! Боль – это хорошо, это значит, что я жив! Тут ко мне начало возвращаться сознание и воспоминания прошедших событий. Я, военный пилот, на своём истребителе пытался перехватить неопознанную цель и попал под воздействие неизвестного вида оружия.

Открыв глаза, я увидел, что нахожусь в какой-то хижине на берегу моря. Что я нахожусь возле океана, я понял по звуку волн разбивающихся о прибрежные скалы. На полу была расстелена тростниковая циновка, на которой я и лежал накрытый шерстяным покрывалом.

При потере сознания сработал автоматический режим эвакуации, и меня отстрелила катапульта истребителя. Но ничего этого я уже не помнил.

Тут в хижину вошла девушка и улыбнулась. Я тоже улыбнулся, ей в ответ, не смотря на головную боль.

– Ты, хочешь есть? – спросила она.

– Я сильно хочу пить.

– Меня звать Йoko – ответила девушка. А как звать тебя?

– Кирилл – ответил я, продолжая осматривать комнату, и наконец, мои глаза нашли то, что я искал. В углу хижины висел авиационный спасательный пояс «АСП-74В», а рядом с ним и жилет НАЗ-И в котором находилась аптечка и пистолет Стечкина с 4-мя дополнительными обоймами, и несколькими гранатами Ф-1. В том же углу валялся и мой гермошлем.

– Сейчас я принесу попить.

– Постой. Поддай мне мою куртку.

Девушка молча исполнила мою просьбу, и вышла за порог.

Я залез в карман жилетки, где лежала аптечка, и вынул шприц-ампулу с промедолом. Перетянув себе ремнём левую руку, я ввёл препарат себе в вену. Боль в голове и мышечные спазмы начали затухать прямо на глазах. Когда вернулась Йоко с кувшином воды, я уже был в забытьи. Тогда Йоко смочила водой пересохшие губы пациента и протёрла его лицо влажным платком, который вынула из кармана моей куртки.

К вечеру я очнулся, и был уже в полном порядке, я уже чувствовал сильное чувство голода, что было хорошим знаком того, что я шёл на поправку.

Йоко сидела рядом на коленях, и при свете свечи вышивала бабочку на моём платке, зажав его в пальцах.

– Как это мило! – подумал я.

Она не заметила, что я очнулся, и я мог украдкой хорошенько её разглядеть. В полумраке хижины, когда черты её лица и фигуры размывались, и воображение дорисовывало их до идеала, она казалась особенно красивой, если не прекрасной.

У неё были длинные чёрные волосы, собранные на макушке в хвост, в ушах были золотые серёжки с жемчугом, на шее жемчужные бусы, а косметики никакой не было. Но она в ней

и не нуждалась, так как у неё от природы были алые губы, чёрные как уголь брови и длинные ресницы. Одета она была в шёлковое кимано белого цвета с вышитыми орхидеями.

– Йоко, – наконец спросил я, где мы находимся?

Йоко прекратила вышивать, повернула голову и посмотрела прямо мне в глаза. Половина её лица было освещено светом свечи, вторую сторону скрывала тень. От её взгляда у меня участилось сердцебиение и пересохло во рту. Я заволновался, как нашкодивший школьник. Мне захотелось исчезнуть и одновременно остаться.

– Мы в Японии, – спокойно ответила она, и продолжила вышивать.

– А откуда ты так хорошо говоришь по-русски?

– По-русски? – удивлённо переспросила она, не отвлекаясь от своего занятия. – Я не знаю такой язык, даже никогда не слышала.

– Да ты шутишь? Хочешь сказать, что не знаешь Россию, Путина?

– Нет, – тем же тоном ответила японка.

Вдруг, неожиданно я осознал, что она не шутит, что она говорит со мной на полном серьёзе. Мне стало ещё больше не по себе. Я присел на циновке и внимательно осмотрел убранство хижины уже другими глазами. Хижина была из бамбука, крыша была покрыта тростником, стёкл в оконном проёме не было, и ничего современного тоже.

– Так значит, я говорю на японском языке?

– Ну, разумеется.

– Да как вообще такое может произойти? – задал я сам себе вопрос. – Что это со мной случилось? Как я мог сюда попасть? Это не возможно! Как мой родной русский язык превратился в японский за какие-то мгновения?

Вопросы в моей голове сыпались один за одним не успевая получать ответы на предыдущие.

– А может ты, и год подскажешь?

– Второй год Тэнсё.

– Ясно, что ничего не ясно, – подумал я, и вспомнил древне-японское летоисчисление, когда годы считались по девизам, а точнее по годам правления каждого императора. И с каждым новым правлением счёт начинался сначала. А на григорианский календарь Япония перешла только в конце 19 века.

– И кто у нас сейчас император?

– Огимати Митихито.

– Жаль, что я не японист, так бы хоть примерно год выяснил.

– А тебе, что совсем всю память отшибло? У тебя странная внешность, ты не японец, но когда мы тебя нашли, ты бредил на японском языке. Ты конечно гайдзин(чужак), но наш гайдзин. Ты упал с неба на ярко белой простыне из шёлка. Мы вначале приняли тебя за демона и решили убить, но ты и так был без сознания, и не похож вблизи на демона. Ты не кайдзю(монстр).

– А громко орущую, похожую на железную птицу машину вы видели?

– Ты совсем дурочком стал, или притворяешься? Какая железная птица? Ты просто спустился с неба привязанный к большой круглой простыне!

Я без труда встал с циновки на ноги. Боли нигде не было, чувствовал я себя отлично. Я был раздет до трусов, но стеснения из-за стресса от происходящего, я не чувствовал, и сказав, что мне нужно в туалет вышел из хижины. Слева от входа стоял огромный кувшин для сбора дождевой воды, вокруг дома росли белые хризантемы, от домика вели в разные стороны дорожки, вымощенные камнями из сланца. Во дворе стояли ещё несколько таких же домишек, и лежали перевернутые кверху дном лодки. Было сразу понятно, что это рыбацкая деревня. Слева от меня раздавался шум прибоя, который заглушал писк окруживших меня комаров. Повернув голову к океану, я увидел алую зарю от заходящего за горизонт солнца, значит в той стороне моя историческая родина, а точнее немного севернее. На улице уже было довольно темно. С заходом солнца наступила прохлада, и по траве пополз туман, который ещё больше снижал видимость. Туалет я искать не стал, а помочился в кусты за хижинкой. Тут же меня стали облаивать бродячие собаки, ведь для них я был незнакомец, чужак, как обозвала меня Йоко. Появилась ностальгия по родному дому, и сразу захотелось сильно курить, но сигарет у меня не было. Сделав пару глубоких вдо-

хов бодрящего тумана пропитанного ароматами хризантем и других цветов, я вернулся в хижину. Йоко уже накрыла на ужин стол. Это был низенький столик со вкусом сервированный скромной рыбацкой едой. Сидела она перед ним по своему обычаю на коленях. Мне же на коленях сидеть было совсем непривычно и не удобно, и я уселся скрестив ноги в позе лотоса. На столе стояли две фарфоровые миски с супом, который состоял из рисовой лапши, хрена, черемши, перца и рыбы. Там же находился и кувшинчик с sake, и две маленькие пиалы. А так, как уже изрядно стемнело, то Йоко зажгла ещё одну свечу. Налив по стопочке себе и Йоко, я одним глотком проглотил свою порцию и начал есть суп. Суп был довольно острый, но это только пробуждало аппетит. Японка предложила добавки, как только я доел свой паёк. Разумеется, что я согласился, и пока она наливала суп, я успел пропустить ещё пиалу sake, и налить третью. Пиалы оказались обманчиво маленькими, ибо они были тонкостенные и вмещали изрядную долю алкоголя. И хоть sake был не крепче 15 процентов, трёх рюмок было вполне достаточно, чтобы расслабиться и снять полученный стресс.

– А Вы тут одна живёте? – с повышенной учтивостью начал, было, я беседу, пытаясь подбить клинья к сексапильной японочке.

– Я здесь не живу, мне было приказано ухаживать за вами, пока вы были слабы, а теперь мне пора уходить. – Саёнара, – попрощалась Йоко, и быстро ушла, забрав с собой грязную

посуду.

– Сучка узкоплёночная, – обозвал я сорвавшуюся с крючка рыбку. – Вот тебе и ужин при свечах!

Тут я увидел оставленный Йоко платок с уже законченной вышивкой. Я засунул его в карман своих брюк, и даже не думая тушить свечи, лёг на циновку и уснул. Спал я просто как младенец, и когда проснулся от крика петухов, то увидел, что Йоко, уже вернулась с приготовленным завтраком и накрывает на стол.

– Как Вам спалось? – как ни в чём не бывало, спросила она, но с подчёркнуто вежливым тоном обращаясь ко мне на «Вы».

– Давно я так крепко не спал. Ты мне что-то подсыпала в еду?

– Как Вы могли такое обо мне подумать? Я честная девушка.

– Ладно, прости, я просто сам удивлён, такому крепкому сну, это, наверное, из-за здешнего воздуха. А что у нас сегодня на завтрак?

– Рис с молоком и манго, и зелёный чай.

– Не плохо, – сказал я, встал с циновки и подошёл к столу.

Сев, как и раньше на корточки я первым делом выпил несколько глотков чая, и только потом преступил к еде. Есть я ещё не хотел, но попробовать манго с рисом было любопытно. Рис оказался слипшийся и сладкий, но не разваренный. И совершенно другого вкуса, в отличие от приготовлен-

ного дома.

– Интересно, а как ты варила?

– Вначале его замачивают на всю ночь, а потом варится на пару в плетёном горшочке.

Позавтракав, я вышел на улицу, и наконец, увидел других жителей деревни. Рыбаки вернулись с ночной рыбалки, где они при помощи света факелов приманивали рыбу, креветок и кальмаров. Женщины таскали воду с ручья в кувшинах, работали на поле, молотили рис и занимались плетением корзин и ткачеством.

– Ну, что, клюёт рыбка? – спросил я у одного из рыбаков, подойдя к его ложке.

– А ты сам посмотри, – ответил он и протянул мне корзину плетёную из ивовых прутьев полную крабов, чтобы я помог ему её выгрузить.

Оказывается, они на самой глубине ставили на ночь краболовки, а утром вынимали их забитыми камчатским крабом.

– Не плохой улов! – сказал я и присвистнул. Странно, что Йоко не приготовила мне такую вкуснятину на ужин. Видимо ждала особого случая.

Рыбака звали Ичиро. Он был уже не молод и носил конусообразную тростниковую шляпу, которая защищала его от палящего солнца. Я помог ему загрузить весь улов в повозку, и он предложил прокатиться с ним на рынок. Я не задумываясь согласился.

Рынок располагался в часе езды на осле, который безропотно тянул поклажу. По дороге мы разговаривали о тонкостях ловли морских гадов. За нами тянулось много других таких же повозок. Как рассказал Ичиро, каждое полнолуние, а это как раз был день перед полнолунием, устраивалась ярмарка, где собирались жители со всех ближайших деревень и обменивались товарами. Там было много ремесленников, у которых можно было обменять любую нужную тебе вещь, взамен не нужной. С прибрежных деревень везли морепродукты, жители полей рис и другие овощи и фрукты, жители лесов и гор предлагали ягоды, грибы, лекарственные травы, мёд и различную дичь. Так же в горах было много рудников, на которых добывали серебро, золото и медь. Знали они и свинец, но они не нашли ему лучшего применения, как делать грузила для снастей. По берегам рек был богатый окисью железа песок. Но эта окись содержала массу полезных металлов, которые улучшали качество стали! Поэтому качество инструментов и мечей была великолепна. Они только не знали алюминий и не умели его обрабатывать, но им это было и не нужно. Всем всего хватало, никто не голодал и не бомжевал. Не было видно попрошаек и нищих. Я даже позавидовал такому беззаботному укладу жизни, но эта идиллия была очень хрупкая. Как мне поведал тот же Ичиро, страна находилась в состоянии войны! Точнее в междоусобной войне среди феодальных кланов, которые постоянно устраивали набеги и грабили местное население, борясь за своё влияние

и власть над мирными жителями.

– То есть страна раздроблена и не принадлежит императору, как там его?

– Огимати, – напомнил мне Ичиро.

– Во-во! Ему нужно всё взять под свой контроль и сплотить кланы.

– Он слаб. Его поддерживает большая половина добропорядочных феодалов, но есть один, который мутит всю воду, и он очень силен. Звать его Миномото, он хочет узурпировать власть и стать сёгуном.

– И что вы не можете объединиться и дать отпор этой хунте?

– Нет, крестьянам запрещено иметь оружие. Мы, не со словие воинов. Наш феодал готовит против Миномото заговор, и когда всё будет готово, он нас вооружит. Я не открыл тебе военную тайну, об этом уже давно судачет все старухи на рынке, и это считается сплетней. Но, в каждой сплетне, есть доля правды.

Торговля у Ичиро шла хорошо. Он был опытным рыбаком и торговцем. Его многие знали и уважали. А так как он успел одним из первых добраться до торговой площади, то и занял лучшие места.

К ночи я, Ичиро, и остальные рыбаки вернулись в деревню, где нас всех ждал вкусный ужин и sake.

А уже на рассвете следующего утра деревня подверглась нападению самураев одного из враждебных феодалов.

Со стороны леса раздались крики ворон, потом их стаи начали разлетаться в разные стороны. Часовые поняли, что их встревожило что-то серьёзное, но поднимать тревогу было уже поздно. Первый же крик часового оборвала стрела, пробившая ему горло. Далее из леса выбежал отряд солдат и окружил деревню.

Меня разбудил пронзительный женский крик, и крик тут же усилился другими криками, которые начали через мгновение раздаваться со всех сторон. Я метнулся к жилету, выхватил пистолет, снял его с предохранителя и взвёл затвор. Затем я выглянул во двор. Во дворе уже горели крыши нескольких хижин, слева от меня раздавались стоны раненой стрелой старушки, тут же на моих глазах один из самураев разрубил на пополам от плеча до пояса одну из знакомых девушек, и увидев меня бросился ко мне замахиваясь катаной. Я навёл на него свой Стечкин и выстрелил. Пуля без труда пробила его ламинарные доспехи, и воин замертво упал у моих ног. Звук выстрела пистолета «АПС» заглушил все прочие крики в вопли. В мою сторону были обращены все взоры, как нападавших карателей, так и крестьян деревни. Вопреки моим ожиданиям моё грозное оружие не вызвало никакой паники среди нападавших. В меня полетели с десятков стрел, одна из которых обожгла своим наконечником щеку, и я почувствовал, как из неё хлынула горячая, липкая кровь. Спасаясь от стрел, я инстинктивно запрыгнул обратно в дом, и сразу понял свою ошибку. Я попал в ло-

вушку, из которой не выбраться. В следующую секунду в соломенную крышу вонзилось несколько горящих стрел, и хижину объяло пламя. В проёме появилась тень, и я сделал пару выстрелов через дверь, и услышал звук падающего снаружи тела. Далее я выдернул чеку из гранаты и метнул её в окно. Три секунды и раздался мощный взрыв, через мгновение в то же окошко выпрыгнул и я, пользуясь шоком и замешательством самураев окруживших дом, я пытался сбежать. Но плану сбыться не удалось, вслед мне полетели стрелы, и одна прошила мне на вылет бедро ноги. Я упал на землю, перевернулся на спину и начал стрелять в бегущих на меня солдат. В двоих или троих мне удалось попасть, но я был окружён, и подбежавший ко мне сзади самурай нанёс мне удар черенком копья в висок. Свет сознания сразу погас.

Минутой позже сознание ненадолго ко мне вернулось, я чувствовал, что меня куда-то волокут. Краем приоткрытого глаза я видел происходящую бойню: стариков и женщин выволакивали из домов и тут же на площади отрубали им головы, видел, как один солдат тащил по земле за косу молодую девушку, которая истерично визжала. Когда он затащил её в хижину, её крики только усилились. Стало понятно и без слов, что там могло происходить.

Очнулся я от боли в спине. Я был привязан за кисти рук к верёвке, привязанной к седлу лошади. Меня волокли по земле, и видимо уже долго, так как кожа на спине уже была содрана, от трения о землю. Хорошо, что это была земля, а

не гравий или щебень.

– Господин, пленник очнулся! Но, похоже, он живой не доползёт, если его не отвязать, – услышал я голос присматривающего за мной стражника.

– Хорошо, посади его в клетку к тем шлюхам, я хочу доставить его живым до замка. Сюзерен Миномото будет рад с ним пообщаться.

Стражник остановил лошадь, отвязал верёвку от моих кистей и запихал в клетку с деревенскими девушками. От них я узнал все подробности, что произошло этой ночью. Все красивые девушки старше 12 лет были изнасилованы и угнаны в рабство, для развлечения солдатам и для дальнейшей перепродажи в бордели. Сама же деревня была разграблена и сожжена. Выжить удалось только рыбакам, которые в это время были в море и не успели вернуться. А без взрослых мужчин оказать сопротивление было не кому. Больше спастись не удалось не кому, так как для нападения было выбрано полнолуние, и всё происходящее было прекрасно видно.

Я внимательно стал всматриваться в их лица, и увидел среди них Йоко. У неё была разодрана одежда, разбито лицо, порван рот, но она была жива. Я не знаю, чтобы я чувствовал, если б не увидел её. Но, то, что она жива, было лучше, чем, если бы она погибла этим утром. Она сидела и смотрела в одну точку, ни на что больше не обращая внимания, и я не стал её окликать.

На закате карательный отряд с добычей и пленными при-

был в замок Сюзерена. Японские замки кардинально отличались от каменных замков и крепостей средневековой Европы. Это были самобытные сооружения.

Меня посадили в земляную яму, с решёткой на потолке, а девушек приковали цепями на площади к специальным периллам. Утром решили начать торги, и распродать рабынь желающим. Ни еды, ни воды никому из нас не дали.

В яме оказалось полно клопов, она ими просто кишела. Вначале я с ними пытался бороться, давить руками и ногами, но вскоре измождённый усталостью и обезвоживанием организм начал засыпать и терять сознание, и тут его облепила добрая сотня паразитов. Я вынул из кармана платок с вышитой Йоко бабочкой, протер им свои слезящиеся глаза, потом прижал его к своим губам и положил обратно в карман.

К утру сил не было даже чесаться, в яме пахло нечистотами, потому, что помойного ведра тут было не предусмотрено. Рана от стрелы на ноге начала воспаляться всё больше и больше, а тут и до гнойного абсцесса не далеко.

На рассвете началась движуха. В те времена люди жили по другому графику. Они вставали с рассветом, то есть в 5 утра, и завершали деятельность на закате, около 7 часов вечера.

Девушек полностью раздели и стали по одной выводить на сцену. Желающие могли их рассмотреть и выбрать ещё на земле, у тех злополучных перилл, а вот сами торги начинались, когда их выводили на подиум.

Йоко купил сам сюзерен Миномото. На неё накинули ки-

моно и отвели в дом, специально построенный для жён и наложниц господина.

После торгов дошла очередь и до меня. Меня тоже раздели догола, и повели на допрос в пыточную. Как только меня притащили в подвал, то сразу же подвесили за руки к потолку, и стали ждать Миномото. Он явился только спустя минут сорок в сопровождении охраны. Рядом с ним шёл и начальник отряда самураев. В руках у него был мой Стечкин.

– Кто ты? – спросил Миномото.

– Кирилл, – ответил я.

– Ответ не верный. Я не спрашивал твоё имя, я спрашивал кто ты?

После этих слов палач нанёс удар бамбуковой палкой мне по рёбрам.

– Это длинная история.

– А я не спешу, рассказывай.

– Умеешь ты уговаривать. Я с другой страны, и к вам попал случайно. Я потерпел кораблекрушение, если так можно сказать. Я тут совершенно один, и как вернуться домой я не знаю.

Палач посмотрел на сюзерена, тот ему кивнул, и палач от всей души нанёс ещё один удар.

– Это правда! – заорал я, от боли и гнева.

– Допустим, а что это такое? – Миномото указал пальцем на пистолет.

Что-то придумывать и уходить от прямого ответа, было

дорого для здоровья, и я решил говорить всё, как есть.

– Это оружие, называется пистолет. Внутри его помещаются специальные стрелы, которые вылетают с большим грохотом, и убивают на большом расстоянии, пробивая броню.

Миномото уже доложили о силе этого оружия, и он хотел увидеть это лично.

– Ладно, далеко не уходи, я скоро вернусь.

С этими словами Миномото вместе со своей свитой вышел из пыточной, оставив меня висеть под потолком.

За всё это время у меня сильно затекли руки. Я знал, из инструкции по ОБЖ, что перетянутую при ранении жгутом конечность нельзя оставлять больше, чем на 2 часа. В противном случае начнут отмирать клетки, что приводит к некрозу ткани, гангрене и ампутации конечности.

К моему счастью вскоре Миномото вернулся и приказал меня развязать. Так же мне принесли чёрные шаровары, белую накидку и сандалии, а пришедший с ним лекарь обработал мою рану каким-то чудо бальзамом.

Когда я оделся, Миномото приказал следовать за ним. Я прихрамывая поплёлся за ним вслед.

Мы вышли во двор, в центре которого стоял огромный бык. Воевода самураев дал мне мой пистолет, на меня сразу направили свои луки с десятков самураев.

– Покажи стрелы! – приказал Миномото.

Я вынул обойму, извлёк из неё один патрон, и протянул сюзерену. Тот взял патрон, повертел в руках и чуть не засме-

ялся. Он не верил, что такая маленькая штука, даже не острая, может кому-то навредить.

Я вставил обойму обратно. В ней оставалось 9 патронов, плюс тот, что у Миномото. Значит, в пылу битвы я израсходовал 10 патронов, так как в полной обойме их 20 штук.

– Ну, продемонстрируй мне силу своего оружия!

Я передёрнул затвор, прицелился в голову буйволы и нажал на спусковой крючок. От звука выстрела все вздрогнули, а бык с пробитым черепом упал, даже не пикнув. Закралась в голову мысль взять этого царька в заложники, но что делать дальше?

Командир карателей подобрал отстрелянную гильзу и подал Миномото. Он уже находил такие после перестрелки в деревне рыбаков.

Я объяснил на пальцах, как работает пистолет, и что такое патроны, которые я назвал в первый раз стрелами. Миномото решил попробовать выстрелить сам. Я объяснил ему подробно, что и как делать.

– Приведите мне ненужного раба и облачите его в доспехи.

Вскоре его приказ был выполнен.

Миномото, держа пистолет обеими руками, навёл ствол в грудь своей жертвы и нажал на курок. Пуля пробила тело раба на вылет вместе с доспехами!

– Веди следующего! – отдал он очередной приказ.

– Мой господин, – обратился я к Миномото. – Дело в том,

что осталось всего 8 патронов. Больше их нет, и взять их нигде. А они могут весьма пригодиться в будущем.

Досады Миномото не было предела, он выхватил меч и снёс им голову с плеч, приведённому рабу.

Такого ценного пленника как я, решено было помиловать и держать в заложниках столько, сколько потребуется.

Вечером на площади состоялась казнь. Приговорённых к смерти преступников поместили в рыбацкую сеть, и потом, подвесив их над котлом с закипающей водой, начали окунать их в кипяток. После истязания бросили их тела на съедение свиньям.

На ужин Миномото посадил меня рядом с собой. Напротив его столика висела молодая девушка, связанная по всем правилам искусства шибари. Миномото получал от этого эстетическое наслаждение и специально посадил меня к себе, чтобы я мог лучше рассмотреть все хитро-переплетённые узлы толстых веревок.

Хоть он был сатрапом и самодуром, но он был не дураком, и тянулся к знаниям. В моём лице он видел достойного собеседника, и относился ко мне с уважением. Во всяком случае пока. Я старался не злоупотреблять оказанным доверием, и чтобы быстро ему не надоест выкладывал имеющиеся знания дозированно.

Однажды, напившись sake, он завёл разговор на личные темы.

– Вот, скажи мне Кирилл, что тебе не хватает? Говори, не

стесняйся, выполни любую просьбу!

Тут я понял, что у меня появился шанс освободить Йоко.

– Да, у меня есть желание, но я боюсь его озвучивать.

– Смелее, обещаю тебя не казнить!

– Обещаешь? Точно?

– Клянусь Буддой!

– Мне нравится одна твоя наложница, Йоко.

– Йоко? Не знаю такую.

– Ты купил её пару дней назад, она пленница с той же деревни, где жил и я.

– А-а-а, вспомнил. Так я, с ней даже ночь не успел провести ещё. Ждал когда заживёт её личико. Ты, правда хочешь её? – Эй, Ичи, – позвал он слугу. – Приведи сюда новенькую наложницу, как там её... Йоко.

Ичи, привёл Йоко. Она была, как и раньше в кимоно любимого белого цвета, но уже вышитом не орхидеями, а змеями. На её руке я заметил выжженное клеймо дома Миномото.

– Дарррю! – еле шевеля языком, сказал Миномото.

– С Вашего позволения, – проговорил я, едва сдерживая радость, потом я взял Йоко за руку и повёл в выделенную мне спальню.

Зайдя в спальню, я обнял Йоко и поцеловал. Её красота завораживала меня, звук её голоса, её запах, я таял как масло на солнце. На её лице ещё оставались синяки и ссадины, но мне было не важно. От неё исходила внутренняя красота.

– Йокко, ты свободна! Почему ты молчишь?

– Я хочу сделать сэппуку, – ответила она, наконец.

– Чё за вздор? Ты не самурай!

– Нет, я самурай. Точнее ронин. Мой отец был сюзереном, Миномото убил его, и я должна ему отомстить. Только благодаря моему отцу тебя не убили рыбаки, а принесли в хижину, и это отец поручил мне о тебе заботиться, пока он готовился к восстанию, против Миномото. Но, он со своими самураями попал в засаду в туже ночь, перед нападением на деревню, и был убит. А вы я смотрю прямо лучшие друзья с Миномото стали.

– Мы не друзья. Он пользуется мной, а я им, чтобы выжить.

– Помоги мне бежать! Я соберу других ронинов, они сожгли только нашу деревню, до остальных пока не добрались, нам надо объединиться и выступить против Миномото. Многие сюзерены за императора, за Огимати. Они не хотят, чтобы Миномото стал сёгуном.

– Так, а зачем тебе бежать, ты же свободна?

– Ты его просто не знаешь, это он сегодня, когда был пьян, так сказал. Завтра он всё переиграет, поверь.

Пользуясь привилегированным положением, я вывел Йокко за ворота и дал ей лошадь.

– До встречи, любимый! – крикнула она на прощание.

– Вот, бабы, все вы одинаковые! Сразу любимый стал! – сделал я заключение.

Вернувшись во дворец, я узнал в одной из служанок девушку из деревни, в которой Йоко ухаживала за мной. Я позвал её к себе, и попросил мне всё рассказать, что она знает про Йоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.